

ХОТЯ Борис Петрович был еще на больничном после перенесенного инфаркта, он охотно согласился встретиться. Сидели мы за самоваром, пили чай. Неспешно текла беседа, которую пытался прервать зеленовато-голубой волнистый попугайчик. Он то и дело садился Борису Петровичу на плечо и начинал отчаянно нахваливать себя: «Кеша хороший. Кеша красивый...». Как-то залетел он к Зайцевым в открытое окно, да так и прижился. Окно и сейчас открыто, но Кеша не желает покинуть новых хозяев.

Когда закончили чаепитие, Борис Петрович попросил жену:

— Покажи ту фотографию.

— Зачем?

— Надо, — рокотал на всю комнату редкий баритональный бас. И я уже не забывал о том, куда пристроить свой диктофон: такой голос слышен отовсюду.

И вот снимок, на котором Зайцев изображен в тот момент, когда, проснувшись утром, начал одеваться. Все на месте, все, как говорится, при нем. Вот только ноги... Их за менили два протеза...

Ушли в прошлое дни, когда сознание своей немоши приводило в отчаяние. Жизнь продолжалась, и он вышел победителем в единоборстве с жестокой судьбой. Но обида, которую нанесли ему человеческое неблагодарство и жестокость, осталась.

— Представьте, нашлись люди, которые попрекали меня этими костылками, — говорит Борис Петрович. — Мол, без них я не добился бы признания. Завидовали мне, что ли?

Вполне возможно. Разумеется, они не завидовали причине, приведшей Зайцева к инвалидности, эти безголовые функционеры от искусства: дело в том, что ноги Зайцев потерял на фронте. Но вот то, что певца Зайцева приглашают выступать в самых престижных концертах, что в его репертуаре 1300 вокальных произведений (цифра, достойная книги рекордов Гиннеса), и поныне кое-кому не дает спать. Надо еще добавить, что фирма «Мелодия» записала его голос на восемь пластинок-гигантов». Почти весь тираж старинных русских романсов в исполнении Зайцева закупила Франция.

Он подготовил также более двадцати тематических программ, включающих отечественную и зарубежную классику, русские и украинские народные песни, старинные романсы, произведения советских композиторов и, конечно, песни о войне. Очень любит арии Руслана, Сусанина, Бориса из оперы «Борис Годунов», арии из опер зарубежных классиков.

— Борис Петрович, вы, конечно, с ранних лет мечтали стать певцом?

— Да разве песня могла быть для Зайцевых мечтой? Песня была нашей жизнью. В семье все пели. Родился я в Сибири, на Ангаре, в деревушке Зайцево. Отец был бакенщиком. Во время каникул я оформлялся к нему в помощники. Плыдем на лодке от бакаена к бакену, зажигаем огни — так это славно, хорошо! Песня сама из сердца просится. Отец заводит, а я вторю. Тогда не то что телевидения — радио мы не знали. Сами себе по вечерам концерты по заявкам устраивали. А какие хоры у нас собирались по праздничным дням! Да... Ну, а что касается мечтаний, то в детстве я мечтал быть капитаном. В тех местах рано холодает. Уже в августе на реке часто стоит густой туман. Вот капитаны и требовали бакенщика на пароход, чтобы помог Гребневскую гряду пройти. Я в таких случаях высаживался на баржу и помогал каравану проходить опасное место. Думал: как стану

капитаном, не страшен будет мне и густой туман.

...На фронт Борис пошел добровольцем, хоть и была у него бронь. Быстро пролетели занятия в полковой школе в Красноярске. И вот уже русоволосая смешливая сибирячка Прасковья (а по-местному — Панна) прощается с Борисом на вокзале и обещает ждать. В отдельном батальоне связи 72-го стрелкового корпуса сержант Зайцев принял отделение.

— Не поверите, но связистам легче было работать под огнем противника. Снаряд разрывает провода, а ты быстро находишь концы и сращиваешь. А вот когда наши танки пойдут в атаку и намотают кабель на гусеницу, так считай, что надо по новой связь прокладывать.

Рабочая газета - Киев - 1991 - 24 июля
Встречи и знакомства

**Народный артист УССР, Герой Социалистического Труда,
солист Одесской филармонии Борис ЗАЙЦЕВ:**

Я ВИЖУ ВАС СЕРДЦЕМ...

Приходилось Зайцеву ходить в разведку боем, брать «языка». А орден Красной Звезды получил, когда осенью в районе Смоленска переплыл с катушкой Днепр под огнем противника и обеспечил связь наступающим войскам.

...В сознание он пришел через три недели после ранения.

— Где я нахожусь? — спросил Борис.

— В госпитале.

— Включите свет, — попросил сержант. И вдруг услышал, как всхлипнула стоящая рядом медсестра. Она сняла у него с глаз повязку, но он по-прежнему ничего не видел, хотя стоял солнечный день...

Это случилось под Кенигсбергом. Во время атаки взрывом вражеского снаряда перебило телефонный провод. Зайцев бросился к месту разрыва и... наткнулся на противотанковую мину.

Вот уже и День Победы отгремел, а он все еще был на госпитальной койке. Десятки различных операций пришлось перенести в госпиталях Москвы. Запомнилось, как однажды пришли шефы — московские студенты. Он был весь перебинтован, и они подошли к нему первому, участливо так обратились:

— Дедушка, хотите — мы вам письмо поможем домой написать?

А дедушка-то был моложе студенток...

Писать? Под подушкой у него лежало чудом сохранившееся письмо Панны. Когда Борис научился ходить на протезах и

читать руками по системе Брайля, его разыскала Панна: «Приезжай. Что бы ни случилось, все равно жду. Люблю. Крепко целую».

Это уже потом Борис Петрович узнал, что отец Панны на коленях ее умолял: «Доченька, не губи себя! Ну пусть без ног, но ведь еще и слепой».

— Кто же вновь свел вас с песней?

— Это все Панна, — улыбается Борис Петрович. — Не знаю, как бы повернулась моя судьба, не будь ее рядом. Когда мы устроились в Красноярске, пошла она в музыкальное училище и узнала, что там как раз набирали группу незрячих обучать по классу баяна. А я и баян тогда еще с трудом под-

каким пониманием принимают песни о любви, родной земле, дружбе, красоте! Я стараюсь расширять свой репертуар, чтобы охватить самые разнообразные пласты жизни. И когда вслед за тобой песню подхватывает зал, и ты снова и сноваходишь на сцену, то усталости как не бывало, а на душе так ясно, словно я снова становлюсь мальчишкой, который зажигал огни на Ангаре. И хоть я не вижу зал глазами — я чувствую его сердцем. Поверьте, это дороже высокого покровительства, расположения «царей», дороже денег.

— Чем же объяснить, что концертные залы, увы, не всегда заполнены? Я имею в виду концерты многих выдающихся мастеров. Даже во время гас-

тых певцов, выделяющих всякие фортели на сцене под грохот электронинструментов — и она приняла это как эталон современного искусства. Предложите ей классическую музыку, народные песни — раз, другой, третий, да не просто в концерте, а в клубе любителей, где не только поют, играют, но и ярко, увлекательно читают специальные лекции — может, это и повлияет, а?

— Я задам вам вопрос, ответ на который мне почти известен: как вы относитесь к рок-музыке?

— Это сложный вопрос. Знаете, было время, когда у нас и к старинным романсам относились подозрительно, они считались чем-то чуждым. Но мне почему-то трудно представить, что лет эдак через пятьдесят, состоится «вечер старинного рока». Хотя — кто его знает... Когда любители рока постареют, им, возможно, захочется вспомнить увлечения молодости. Все происходит, в том числе и увлечения. Но мне горько наблюдать, как мы теряем народную музыку, песенный фольклор. Раньше бездумно радовались процессу стирания граней между культурами различных народов нашей страны, это считалось признаком дружбы. Но вот перестройка показала, что все народы исполнены горячего желания сохранить и приумножить свою национальную культуру. Надо помнить, что самая богатая питательная среда культуры находится в деревне. Этому способствует близость к природе, фольклор, передающийся из поколения в поколение. Мне приходилось выступать в Москве, Киеве, Донецке, Архангельске, Свердловске, Тюмени, Красноярске, Норильске, Хабаровске, на стройках БАМа, в Польше, в Афганистане. И всегда с радостью убеждался, что люди умеют ценить искусство, утверждающее красоту любви, духовность жизни.

...Однажды Борис Петрович побывал в госпитале, где лечились воины-интернационалисты. Он попросил провести его в отделение к незрячим. Завязалась беседа.

— Если я сумел найти место в жизни, то сумеете и вы, — убеждал Борис Петрович ребят. А потом он дал для них небольшой концерт. После одной песни Зайцев снял с руки специальные, для незрячих, часы и подарил пареньку, рядом с которым стоял.

— Надевай, браток, а когда выздоровеешь, передашь другому незрячему.

А на прощание он исполнил «Веселую кадрили». После такой песни да в танец бы. И вдруг ребята услышали, что кто-то действительно отплясывает.

— Кто это? — вырвалось у них.

— Ребята, — произнес Борис Петрович, — если бы знали вы, как дался мне этот танец. Запомните: человек все может, если верит в себя.

...Эх, костылики, костылики! Сколько талантов носили вы в послевоенные годы по поездам, пароходам, вокзалам, базарам. Рвали они сердце своими голосами под аккомпанемент гармонии или трофейного аккордеона, помогая зарабатывать на хлеб и на водку. Не всем могло государство, не каждого ждала его Панна, не у каждого хватило сил снести удары судьбы. Пусть не останется в душе места для зависти и черных мыслей у тех, с кем сталкиваются ветераны войны.

А вам, Панна Яковлевна, низкий поклон за любовь и верность, которые помогли представить миру талант Бориса Зайцева.

Беседу вел В. КРЕЩУК,
корр. «Рабочей газеты».
Одесса.
На снимке: Борис Петрович и Панна Яковлевна Зайцевы.
Фото И. ЧЕРЕВАТЕНКО.